

то муфта бы потрачена под мои ноги,
 и бы добрался до дома. Я уже вернулся в
 войну...
 летит быстрее, но потяжелел
 в конце тесно - (все время
 носозрину на...
 и упрям. алетом...
 - у меня целый день
 адемы и ветра уносил...
 на з... интереса
 дуги... на...
 верил, что...

А.Н. ФОРМОЗОВ

Публикацию подготовил
 Николай Александрович Формозов,
 к.б.н., ведущий научный сотрудник
 биологического факультета МГУ.

Рисунки А.Н. Формозова

Фото Л.М. Шульпина

Амурская Зоологическая Экспедиция Академии Наук С.С.С.Р. (1928 г.)

А.Н. ФОРМОЗОВ

Наметено
 или
 упрямство или
 изумительный
 на зрелищ.
 Москва, улица
 Тарасов д.б,
 Зоологический
 Музей
 Университета

А. Формозов,
 Амурская Зоологическая
 Экспедиция Академии
 Наук

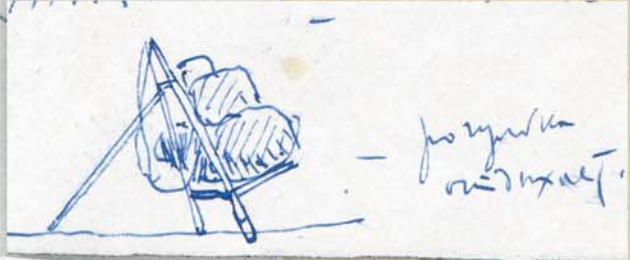

Летом 1928 года Александр Николаевич Формозов (1899—1973), выпускник Московского университета, в будущем известный российский эколог и зоогеограф, был включен в один из отрядов Амурской экспедиции Академии наук в качестве специалиста по млекопитающим. Это была его уже вторая Академическая экспедиция. Первая – Монгольская – дала обильный урожай публикаций: научно-популярную книгу «В Монголии», фундаментальную сводку о зверях этой страны и несколько статей в ведущих иностранных и отечественных журналах. Вторая же, Амурская, – в творчестве Формозова почти не оставила следов. При жизни автора были опубликованы лишь два научно-популярных очерка «Путевые заметки (из окна поезда Москва – Владивосток)» (Охотник, 1928, № 8. С. 33–34) и «Страна гималайского медведя, амурского тигра и непальской куницы» в журнале «Юный натуралист» (1937, № 8. С. 13–14). Глава «На Нижнем Амуре» из книги «Записки натуралиста» осталась в набросках, ее реконструкцию подготовил и опубликовал в сборнике «Среди природы» (3 издания, последнее – «Инфолио-пресс», 1997) старший сын Александра Николаевича, археолог А.А. Формозов. На страницах журнала «НАУКА из первых рук» вниманию читателя представлены отрывки из наиболее полного описания Амурской экспедиции, включающего как текст полевой записной книжки (курсив), так и выдержки из многочисленных писем (прямой шрифт) Александра Николаевича его первой жене Любови Николаевне Формозовой (урожд. Промптовой) (1903—1990). В письмах Александр Николаевич назвал поездку на Дальний Восток «вторым университетом за экспедиционный счет». Его спутником был замечательный, тогда еще очень молодой орнитолог Леонид Михайлович Шульпин (1905—1942). Для Шульпина это был уже третий, завершающий, сезон на Дальнем Востоке. Это было и удачей,

и трудностью для Формозова. С одной стороны, благодаря общению с Ленией, как Формозов звал Шульпина, ему удалось быстро освоить абсолютно новую для него фауну птиц – приведенные в дневнике оригинальные словесные расшифровки птичьих голосов (например, ширококрылая кукушка – «по-берешь – по-берешь», все повышая тон; малая кукушка – «пощечинку дам»), скорее всего, принадлежат Шульпину. Но с другой, Леонид был заинтересован в том, чтобы добрать материал по тем районам, где еще не был, объехать за один сезон как можно больше – это мешало привычной для такого натуралиста, как Формозов, вдумчивой стационарной работе. Расстались Формозов и Шульпин близкими друзьями, их сближали и сходные научные интересы, и любовь к природе, и общее чувство юмора. Безвременная гибель командира минометной роты Л.М. Шульпина в марте 1942 года на Ленинградском фронте была огромной потерей для нашей науки. К 35 годам он был автором и первого учебника по орнитологии, и первой монографии по птицам Дальнего Востока. Очень любопытно развивались отношения Александра Николаевича и В.К. Арсеньева. Вначале их разделило какое-то недоразумение, в чем оно состояло, так и осталось неясным. При повторной встрече все рассеялось. Два писателя-натуралиста нашли общий язык и прониклись симпатией друг к другу. В библиотеке А.Н.Ф. сохранились несколько автографов Арсеньева, в том числе удивительный отпечаток статей «Население Дальнего Востока, как производительный фактор» и «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» с многочисленными машинописными вклейками, на которых Владимир Клавдиевич полемизирует с нерадивым редактором. Описание экспедиции иллюстрировано как рисунками А.Н. Формозова, так и фотографиями Л.М. Шульпина, недавно обнаруженными в архиве его друга по экспедиции 1928 г.

На фото – А.Н. Формозов, 1929 г. Записная книжка А.Н. Формозова. Страница письма и почтовые карточки, посланные жене из экспедиции

Ихна миста? Поиман...
 Дневник, описи...
 Тора "східній фронт"
 Прозаї нові!

рогулька
 підходить.

«Китаец, который несет мой багаж с вокзала. Китаец называется здесь – „ходя“ или „логул(и)ка“, потому что на спине у него рогулька для укладки вещей, когда работы нет, на ней удобно сидеть. Когда китаец устанет – он снимает рогульку и подпирает палкой – она стоит и ее легко снова надеть» (из письма Сергею Промптову, племяннику жены А. Н. Формозова, от 12 июня 1928 г.)

Переправа через ручей в верховьях Имана. Впереди Онисим с Серко (вверху справа)

Л. М. Шульпин
 ком. роты микомет.
 218 стр. п. 80 стр. дивизии
 20. III. 1942, умер в результате от
 тяжелых ранений / в 7-й фр
 день, когда при выходе из
 дзюнкера был ранен
 осколками /
 Похороны: с/д. Погорье,
 Ленинградск. обл.
 До этого, в 1941, имел
 легкие ранения в лицо. Ленинградский фронт.
 Отдал жизнь за Родину.

Шульпин Леонид Михайлович (1905—1942), выдающийся орнитолог, автор первой монографии по птицам Приморья и первого советского учебника по орнитологии, доцент Петрозаводского университета. Погиб на Ленинградском фронте. Вверху – запись рукой Формозова на форзаце учебника «Орнитология» Л. М. Шульпина

«Одеваются здесь роскошно и франтовато...»

31/V. Первое впечатление от Владивостока неблагоприятное: туман, дождь, слякоть, как в Питере осенью. Приехал ночью в воскресенье. Китайские кули кинулись в драку из-за моего багажа, их утихомиривал агент такими зуботычинами, что я за них вступился. «Ходя» понес мой багаж в гостиницу, навалив на себя весь тот воз, который мы везли на извозчике. У кули («ходя», «рогульки») на спине особая рогулька для груза. На улицах темь, грязь, ходят стадами проститутки, бредут оборванные китайцы, есть и пьяные гуляки.

1/VI. Оболенский* приезжал и уезжал. Встреча наша была удивительна. Утром выхожу я из японского кафе, где пил чай, и вдруг первый человек, попавшийся мне при выходе – почерневший от солнца как кореец – Обо-

* Оболенский Сергей Иванович, ленинградский зоолог, специалист по грызунам, репрессирован в 1935 г., освобожден, но вскоре (в 1947 или 1948 г.) погиб при не до конца ясных обстоятельствах в Каменной степи в Воронежской области.

лениус. Я, как ни в чем не бывало, загораживаю ему дорогу и протягиваю руку. Он так изумлен, что пятится, что-то бормочет и, наконец, в изнеможении садится на крылечко, то есть нет, не на крылечко, а на рыжую собаку, которая на нем мирно спала. Хорошо, что собака оказалась старой и смирной – она посторонилась, и мы с изумленным Оболенiusом стали вести разговор.

2, 10/VI. Но через два дня погода исправилась, и город, расположенный на горах, но кругом окруженный заливами, стал очень щеголеватым. Одеваются здесь роскошно и франтовато. Костюмы куда лучше московских; чувствуется близость границы, Харбина и Шанхайских рынков. Очень интересна разноплеменность города: вижу корейцев, китайцев, японцев. На базаре масса всякой еды, любопытна торговая пристань, где стоят десятки китайских шампунек** и шаланд. Ел гигантского краба, был на китайской опере.

** Небольшая китайская веселая лодка, служащая для перевозки багажа и людей внутри гавани.

Приобрел знакомых из здешних музейных людей и охотоведов, зазвали, заговорили, устаю страшно... Познакомился, между прочим, с Арсеньевым (был у него дважды) – очень неприятный человек, да и мало интересный. Обещал мне много своих книг, но так как у нас с ним вышло некоторое недоразумение, то, возможно, что я больше к нему и не пойду. В подробностях напишу после; инцидент, в общем, говорит лишь о том, что человек этот «загенерализся» и «задался» до последней степени. Это и общее мнение во Владивостоке, здесь его не любят. Интересная жена у Арсеньева – высокая брюнетка с серыми глазами и оригинальным лицом, сам он очень сухощав, лицо морщинистое, глаза выцветшие – вид старого актера. Жена его ведет все издательские дела и переписку, он не без гордости заявил мне это.

Пароход на север идет 11 июня, сегодня мы уезжаем на неделю к тайге поближе, чтоб зря не тратилось время. Пишу на вокзале... Одеты мы с Шульпиным такими архаровцами, что сей час официант не дал нам меню. (P.S. Нет, принес, но страшно морщит нос от запаха моих сапог дегтем.)

На хуторе Худяковых

2–5/VI. Первая наша остановка была на хуторе братьев Худяковых.

Пятьдесят лет тому назад в глухую тайгу переселился томский мужик со своими шестью сыновьями. Непрерывной борьбой и трудом была вся их жизнь. Сначала боролись с мокрым, могучим лесом, который лез со всех сторон, с тиграми, которые хватили людей, с горными волками, которые резали овец, с дикими кошками, которые таскали кур и ложились отдыхать тут же в первой стоящей на дворе телеге. Потом – комары, наводнения, придирки урядников, исправников, губернаторов, наконец – полчища хунхузов. До сих пор стоят на хуторе на двух его концах высокие башни, господствующие над местностью, с бойницами, глядящими во все стороны. Впрочем, хунхузов до этих башен не допускали. Смелые

Хутор (ныне пос. Оленевод) находился на противоположной стороне р. Суйфун (ныне Раздольная) от ст. Раздольная КВЖД. В 1877 г. Леонтий Дмитриевич Худяков (1834—1912) получил разрешение на переселение на Дальний Восток с семьей сыновьями: Федором (1863—?), Павлом (1865—?), Иустином (1869—?), Александром (1871—?), Афанасием (1875—?), Парфентием (1876—?) и Федотом. О судьбе младшего Федота ничего не-известно, видимо, он умер, не выдержав тягот пути и первых лет обустройства. На Дальнем Востоке у Худякова родилась дочь Анастасия (1884—?). Осваивал но-вое место Л. Д. Худяков с шестью сыновьями. Федор стал успешным пасечником, Павел – знаменитым охотником и изумительным стрелком, впоследствии оленеводом (в 1886 г. газета «Восточное обозрение» сообщила, что на охотника Худякова напали три тигра, одного он убил, двух ранил, один из них нанес ему

братья через корейцев узнавали о приближении банд и, сделав засаду, разбивали их, далеко не допустив до хутора.

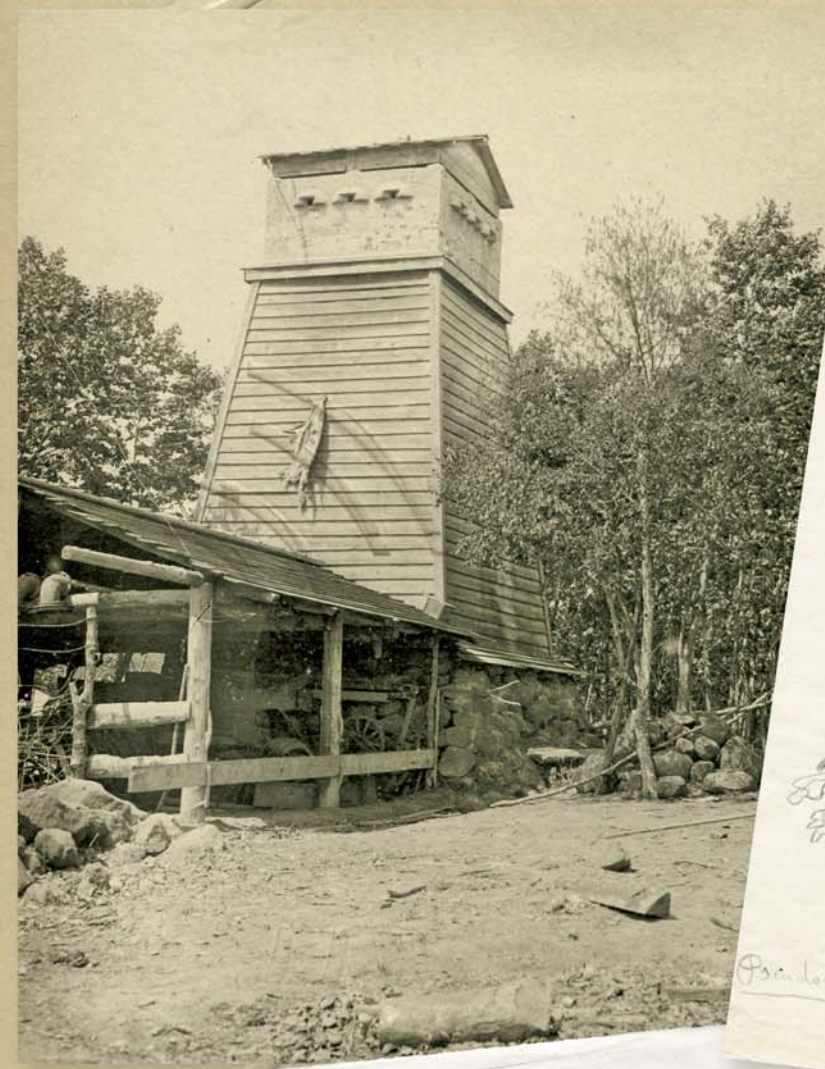
У одного брата нет руки – самодельная граната разорвалась прежде, чем он успел ее бросить, у другого – старшего Павла – на черепе страшные шрамы, руки прокушены в четырех местах, а на ноге нет пальцев. Огромный тигр, которому он разбил пулей челюсть, измял охотника оставшимися зубами. Из прокушенной ноги кровь натекла в сапог, и нога Павла, лежавшего в тайге зимой три дня, замерзла, пальцы пришлось отнять. Теперь этот богатырь – гроза тигров, оленей, кабанов и соболей – ударился в мистику и давно не охотится. Зато у него лучший изо всех существующих питомник пятнистых оленей.

«...» Входит бородатый Павел в лес (200 десятин его окружены невысокой колючей проволокой) и начинает кричать: «Федька, Федька, Федька... Манька... Манька... Панташка...» (это его любимцы), и, как в сказке, изо всех холмов, из-за зеленых дубков и липок поднимаются серые тени, тянутся влажные носы, большие настороженные уши, и вот уже вереницами спешат изящнейшие звери (их 200 штук!). Он кормит их из рук горохом, ломает для них ветки со свежей зеленью. Мы тоже со всех сторон окружены стадом. И не только давно прирученные олени ведут себя так. Случайно заскакивающие через изгородь дикие олени через полгода становятся доверчивей всех других. Они только плотней и статней, чем те, которые давно живут в загородке.

У семьи Худяковых много изобретений: моторы, изобретенные и усовершенствованные ими, изготавливаются на заводах Японии и Швеции. В их саду растут ими же выведенные и приспособленные к местному климату сорта яблони и других плодовых деревьев: На поле их колхоза работает трактор. Река Суйфун против хутора выправлена и сокращена каналами – не перечислишь того, что успели сделать эти люди за свою жизнь.

8/VI. Обрато ехали в вагоне Кит.-Вост. ж. дороги. Он удивительно уютный. Мягкие дорожки в проходе и купе, на лампе шторка, которой ее можно задернуть,

несколько ран, но жизнь охотника вне опасности), Иустин был выдающимся садоводом, автором многих новых сортов, Афанасий – кораблестроитель, инженер-самоучка, фотограф, дипломированный морской штурман. А. А. Формозов в биографии АНФ пишет: «Рассказ об этой семье я слышал от отца многократно, даже в последний год его жизни. Должно быть в Худяковых он видел осуществленный идеал просвещенной крестьянской Руси, смутно рисовавшийся Николаю Елпидифоровичу [отцу А. Н. Формозова]. Смелые активные люди, в то же время не порвавшие с природой, а неразрывно связанные с нею. Что-то с ними стало несколько лет спустя при коллективизации?» (с. 83). В советское время хутор Худяковых числился артелью, но в 1930 г. (по другим сведениям в 1929) артель была закрыта, ее участники раскулачены и сосланы... на запад, в Амурскую область

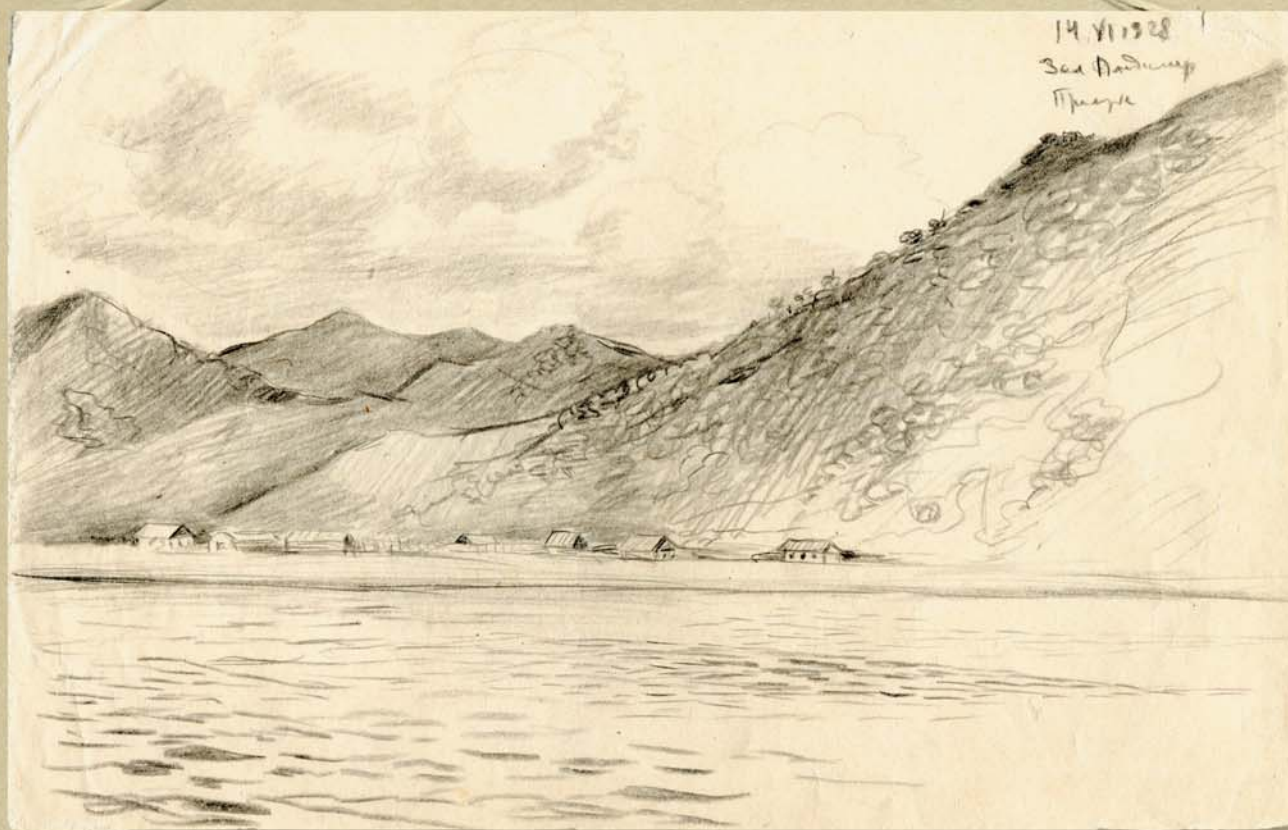
Башня для обороны от хунхузов на хуторе братьев Худяковых

Ручные пятнистые олени в питомнике Павла Худякова (вверху)

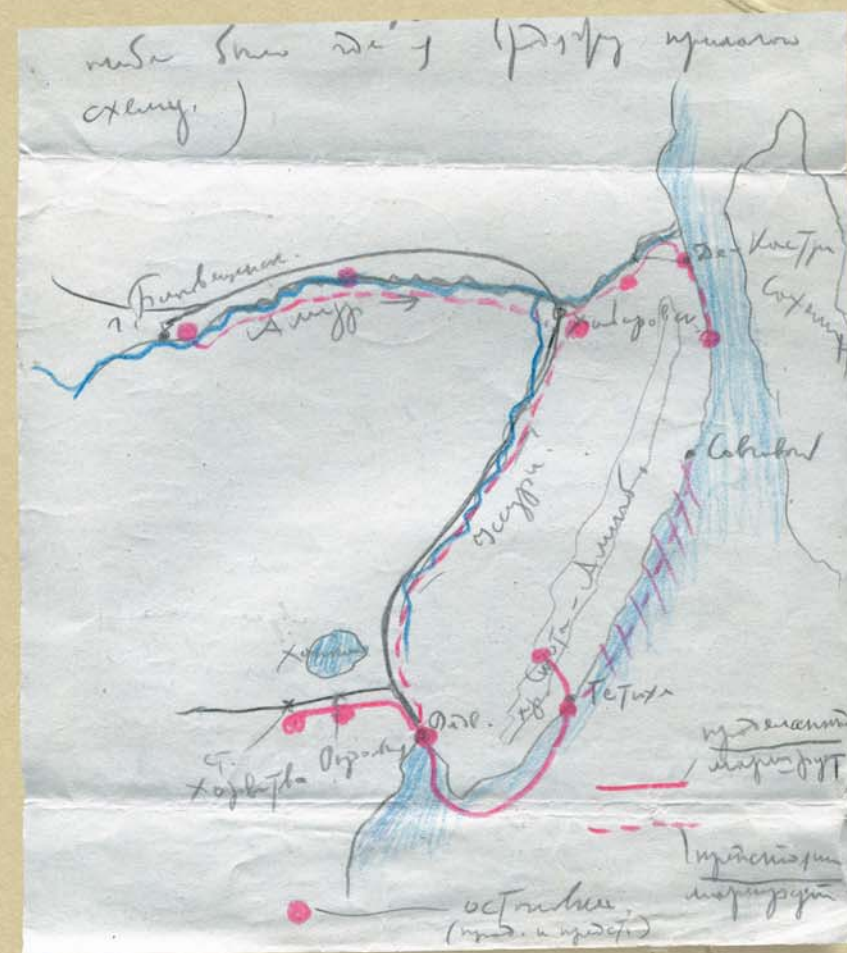

Пятнистый олень (слева)

Залив Владимира

Л. М. Шульпин в книге «Промысловые, охотничьи и хищные птицы Приморья» (Владивосток, 1936, с. 27) так описывает совместный маршрут: «1 июня я встретил во Владивостоке А. Н. Формозова. <...> 3—6/VI на ст. Хорватово Вост.-Кит. ж. д.; 15/VI—6/VII в долине р. Тетюхе (у рудника) и в верховьях р. Иодзы-хе, отсюда был сделан заезд на хребет Сихоте-Алинь и 3 дня проведено в изучении фауны охотской зоны. 8—10/VII я сделал краткий заезд на ст. Фанзу в бассейне р. Сучан. Затем мы переехали по железной дороге и речным пароходом в низовья Амура и работали в окрестностях Софийска (20—25/VII) и в районе оз. Кизи и бухты Табы на побережье Татарского пролива, 28/VII—13/VIII. <...> 19/VIII выехали из Мариинска, и фактически закончилась моя полевая работа этого года»

На пароходе «Казак Хабаров»

на полке сбоку дощечка, предохраняющая от падения. Маленький ловкий проводник-китаец в кепи с золотой английской надписью («спальный вагон», по-английски соврал, а потому зачеркнул) бросился тащить наши вещи в свободное купе; любезный пассажир – сосед – китаец из порта Чифу начал знакомство с предложением выпить с ним харбинской водки. Расписание с виду совсем как расписание, но на китайском языке, мы, было, посмотрели на него, но ничего не поняли. Сосед страшно радостно захохотал. «Теперь все поняла, все знай» – сказал он и опять расхохотался. Впрочем, все другие надписи на трех языках – русском, китайском и английском.

10/VI. Очень пугают предстоящей поездкой на пароходах. Они ходят очень неаккуратно...

У Арсеньева был, получил от него кое-какие книги, рекомендательные письма на побережье. Расстались до августа, в общем, очень мило. Нелады, которые у нас вышли, кажется, ликвидируются, все это такое, что не стоит даже и писать, расскажу при приезде.

12/VI. Владивостокский порт, пароход «Казак Хабаров».

Сию на палубе среди спящего люда, как курица над гнездом, над нашим багажом, и все живо мне напоминает наш милый Мурманск. Злой разлучник – комендант порта, спящие лодки, палубные шумы и стуки погрузки. <...> Впрочем, от Мурманска есть и отличия. Порт больше, оживленней, народ другой.

Сзади нашего грязного, маленького «Хабарова», который ходит по Сахалинской линии, стоит большой серо-голубой с белым фальшбортом «Kwang-foh», должно быть полукитайский – полуанглийский пароход. За ним вдоль берега вытянулась целая вереница дымящихся судов, берег завален грузами, машинами, а больше лесом. Впереди нас – японский черно-белый «Yei-magi» – грузится огромными обрубками твердых древесных стволов уссурийского леса. На бухте спуют шампуньки и джонки с решетчатыми парусами, болтаются вдали белые яхты, ближе на лодках обучаются грести курсанты какой-то морской школы.

<...> Пассажиры – весьма смешанная публика. И рваная, и шикарная, китайцы, корейцы, русские... Грузят китайцы. Когда я писал предшествующую страницу, один из них упал, неся страшную ношу чугунных печных плит. Он полетел с трапа на палубу, плиты хрястнули его по пояснице. Он отчаянно застонал, а потом, прогнувшись крючком долго отдышался, держась за медные поручни капитанской лесенки.

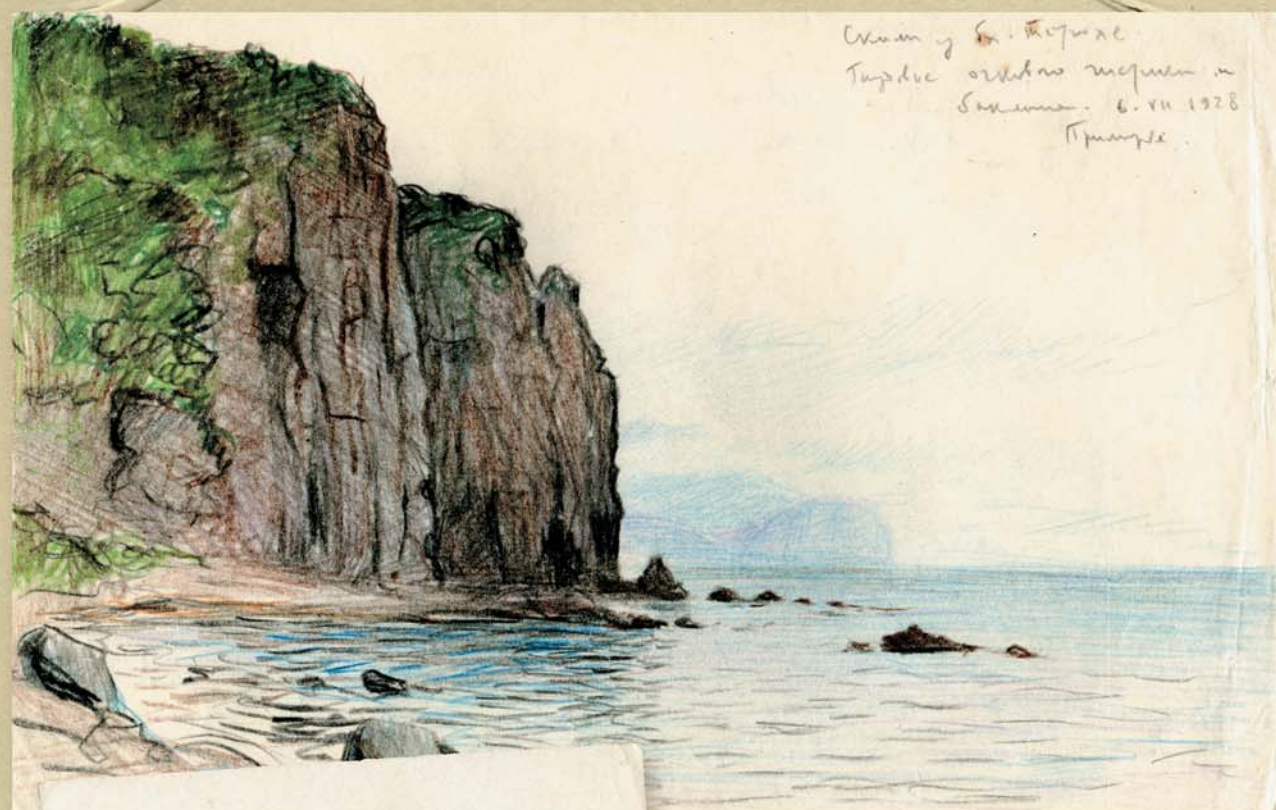
...Едва вышли в море, как нас встретил ветер – очень крепкий SudOst, кое-кто лежал пластом. В дальнейшем два дня подряд ветер только крепчал. «Хабаров» (ледокол) низкий и тяжелый, волны разбивает со страшным грохотом, но они часто перекатываются через борт, и вода ходит по палубе чуть не по колено. Судно страшно загружено бочками (порожними под сельдь, которая массой вошла в бухту Тютыхэ*), на корме целое стадо коров. Можно себе представить, что получилось, когда нас с диким неистовством стало валять с борта на борт

* Так в тексте, правильно Тетюхе, ныне Рудная.

** Ныне пос. Морьяк-Рыболов.

так, что бочки запрыгали на палубе, коровы упали на четвереньки – вода пошла перекатываться от борта к борту. На палубу запретили выходить. Каюта наша в корпусе, у моей головы иллюминатор. Он то застилается волной, то пропускает свет, все время чередующиеся сумерки и день. Вода ревет, над головой на палубе грохот, на койке едва улежишь – нужно упираться в стенку ногами и держаться рукой, иначе слетишь. И так два дня. Меня свалило на третий, когда уже лежало 95 % пассажиров...

В итоге мы не зашли в ту бухту, где думали высаживаться (Пфусун**), и спешно решили перекрыть план. Наметили остановку в Тютыхэ, но и с ней не очень ладно. Командир говорит, что там при таком ветре высаживаться нельзя, и мы стоим сейчас в последней на нашем пути спокойной бухте – заливе Владимира.

Скит у бухты Тетюхе
Турция около моря и
Бухты. 6. VII 1928
Принцесса

Скалы у бухты Тетюхе. Гнездовье очкового чистика.
Очковый чистик с рыбешкой в клюве, пойманной для молодых

16/VI. В мрачности выехал за тридцать верст от берега на рудники (по лилипутской забавной узкоколейке).

Дорога – бесплатная. Китайцы, русские бабы, ребята и девчата – паломничество за водкой (ее на руднике нет), пестрыми группами расселись по вагонеткам с углем. Под ними и их висящими ногами поезда не видно. Мы в классном вагоне – деревянном ящике со скамьей с одной стороны и 2 дыры – окошки с другой. Он сер, но по щелям сохранились остатки голубой краски. Сзади – багажный. С мягким веселым стуком, весь окутываясь паром, паровозик с широкой, как валик, трубой прет нас долиной реки между зеленых и веселых сопок. Быт прост – соскакивай на ходу, где, кто хочет; передают записки, посылки, словесные поручения. Видимо, вся эта долина живет одной семьей. До рудника * 33 версты, несколько остановок и разъездов.

...на руднике устроились в школе. В кооперативе ничего нужного мне не оказалось; а погода дождливая, и вымокнув за день, трудно просушить куртку, чтобы можно на ней спать. Рудник концессионный, английский. Пошел в корпорацию (членов о-ва по

* Ныне г. Дальнегорск.

Бухта Тетюхе – концессионный рудник

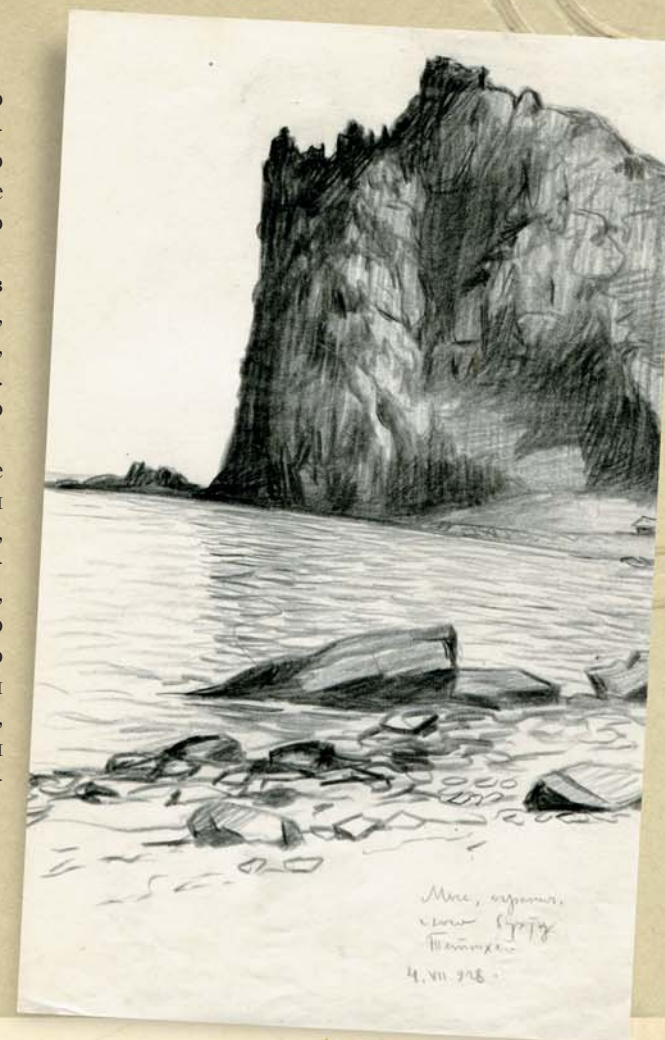
15/VI. Вчера под вечер ветер изменился: дует с берега, волны улеглись. Выехали в ночь, сейчас подъезжаем к Тютюхе. <...> Здесь волна тише, выгружаемся прямо на вал из Lamina'ий. На берегу толпа ротозеев – китайцев, корейцев, русских. В суеде Шульпин проморгал мой тючек с буркой, войлоком, плащом и другими самонужнейшими вещами – он куда-то исчез, куда я не видел, так как был в лодке и подавал из нее вещи. Облазил с милиционером все китайские и корейские дома, но ничего не нашел. В мрачности спал ни на чем и не покрывался ничем.

концессии), меня принял Мг. Бигер очень деловито и доброжелательно. Написал на склад записку – оказать всемерное содействие. Мне выдали брезентовую робу горнорабочего и войлоки – хочу в безвозмездное пользование в районе рудника, хочу в собственность по себестоимости. Потом учитель дал свое одеяло.

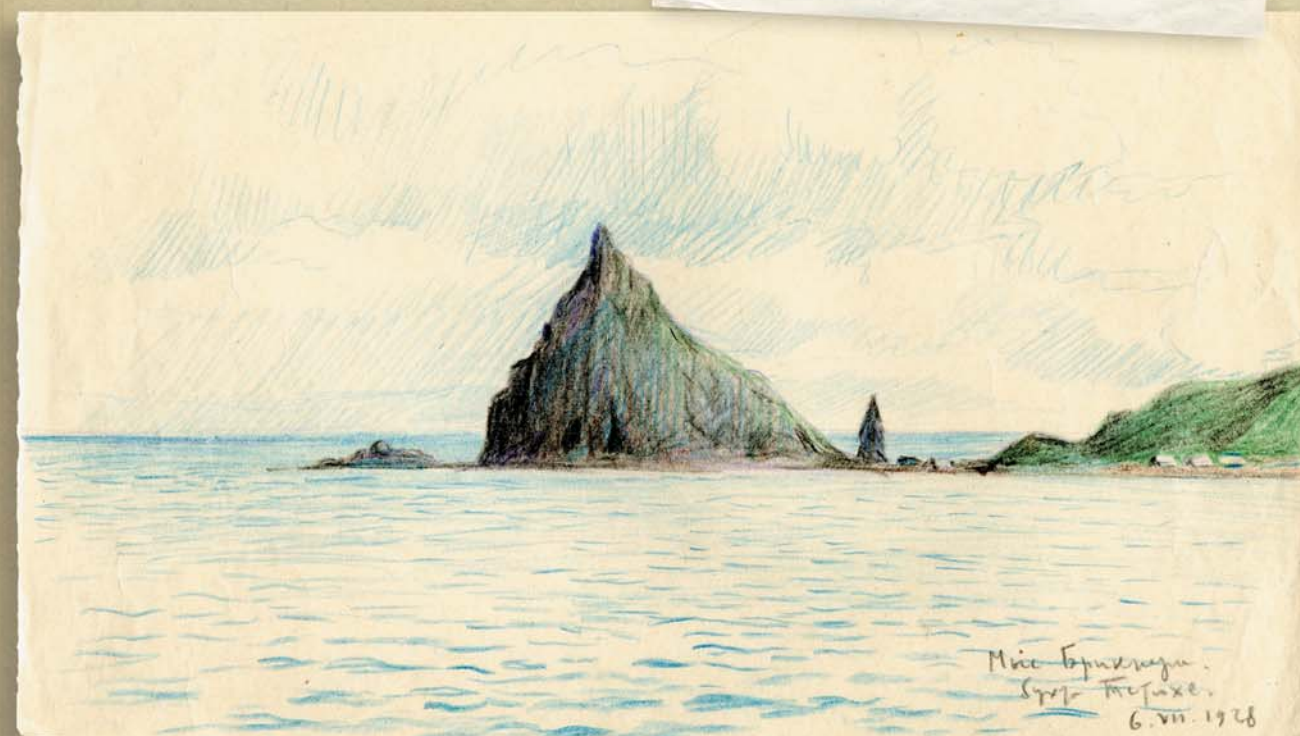
17/VI. Снабдившись таким образом, тронулись в тайгу... И вот, когда проезжали мимо окон зав. складом, он окликнул нас и передал мне мой драгоценный тючек, который был найден милицией и прислан из бухты. Таким образом все устроилось. Теперь я опять брит, ибо вернулась бритва, и сплю мягко, как в Монголии.

Сейчас обедаем вместе с тремя японцами, которые осматривают и изучают леса для концессий. Балакаем с ними на русско-английском. Они одеты шикарно, а мы – оборванцы. Они очень поражены нашей эрудицией и тем, что такая бандитская на вид личность, как я, кончила Московский университет. Теперь они страшно почтительны и вежливы, и выходят к утреннему чаю не в кимоно, надетых на голое тело, а в костюмах. Они благоухают духами, мы – сапогами из простой кожи, усердно смазанной дегтем. В таком же виде ходили мы в гости и к заведующему базой рудника на бухте – милейшему инженеру Томасу. Смех и грех!

Справа – мыс, ограничивающий с юга бухту Тетюхе.
Внизу – мыс Брикнера

Мыс, ограничивающий с юга бухту Тетюхе.
4. VII 1928

Мыс Брикнера.
Бухта Тетюхе.
6. VII 1928

Пантовщики – охотники за пантами.
Долина р. Тетюхе.

По склонам Сихотэ-Алиня

27.VI. Тайга, западный склон хр. Сихотэ-Алиня, верховья р. Имана*.

Пишу... в страшной глуши, в пихтаче, в таежном буреломе. Мы здесь уже четвертый день, вдвоем с Шульпиным в синем майхане**. Майхан стоит под огромными пихтами, сбоку от нас – ярко-зеленая лужайка, через нее бежит ручей-громотун. Я на него сердит: плохо слышно птиц из-за неумолчной его воркотни, а ночью он говорит человеческими голосами и кажется, что время хвататься за винтовку: черт их знает, какие могут идти люди.

<...> Пришли мы сюда пешком, палатку и два ящика привезли на коне – мудром и бывалом Серко, его вел глухонемой, главный пасечник и здоровый симпатичный детина. ...Сейчас буду препарировать: солнце еще не печет – утренняя мошка пропала, а дневная еще не ест. Поэтому около дегтярной моей физиономии и рук почти ничего не летает. Кажется, и письмо я немножко

* Ныне р. Большая Уссурка

** Майхан – «палатка» по-монгольски, видимо, привезен из Монгольской экспедиции 1926 г.

попачкал дегтем. Мы его смешиваем с оливковым маслом, здешний же народ мажется керосином с ружейным маслом! Ну, и рожа же получается в обоих этих случаях. Не знаю, как выгляжу я, но Шульпин имеет такой бандитский вид, что встретишь его один на один в лесу – натерпишься страху.

<...> Жизнь наша проста: встаем на заре, когда солнце еще за горой, и всюю напеваает крапивник у ручья. Пьем чай, потом тот, кому очередь дежурить у палатки и варить обед остается, другой уходит охотиться. По сухим ветвям развешиваются проветриваться одеяла, войлоки и бурка; потом постели свертываются, в палатке наводится порядок...!

<...> Обед у нас из двух блюд: первое каша или суп-

«Наш стан (монгольский майхан) в тайге в верховьях р. Иман. Я за препарированием». 1928 г., собственноручная подпись А. Н. Формозова.
Вверху – рисунок нашего стана и землеройка (*Sorex gracillimus*)

Пчельник

каша (с «дичью»), второе – компот. Супы примерно такого свойства. Один из сваренных мной заключал в себе мясо ободранных на шкурки: 4 седоголовых дятлов, 1 японского козодоя, 1 молодой сойки, 1 горлинок и четырех крошечных пичужек – *Uragus'a, Poecile*, личинкоеда и мухоловки. Вчера в суп попал 1 рябчик, 1 кедровка, 1 горлица и разная мелочь.

<...> Фауна здесь интересная, только зверьки ловятся плохо (на 100 ловушек 3–4 шт., очень уж они здесь сыты!). Говорят, что здесь много медведей и оленей. Наверное, это так, но мы много стреляем, и, конечно, весь крупный зверь из нашего района ушел.

30/VI. Прожили еще пару дней на пчельнике. <...> Желтенькие, синенькие домики – ульи стоят на цветущей поляне, пахнет ландышами, золотой медовый гул весело снующих пчел радостно звучит на солнце.

Два старика – худенький сухонький старовер – бывший охотник с рукой в девятнадцати местах проеденной тигром и дед Береговой, добродушнейший хохол с лицом евангельского разбойника, вместе с глухонемым склоняются над ульями, пересаживают рои, выбирают для нас самые душистые соты. <...> Хороший у дедов мед!

И сами старики интересны, радушно нас встретили, лихо увезли на рудник. А не хотелось мне уезжать – я бы с месяц тут прожил – очень уж хорошо. Медведи кругом бродят, зверьки хорошо ловятся – живи не хочу. Да Шульпин торопит. Ему без меня не попасть в северный район, да и мне одному там было бы трудно.

1/VII. В час дня уезжаем с пчельника на рудник. Погода хмурая – ночью был дождь. Сейчас мгла и туман. Молчат птицы, почти ни звука не слышали мы до самой Горбуши. <...>

3/VII. Два дня прожили на руднике и потом на поезде узкоколейки укатили к бухте, чтобы сесть на очередной пароход к северу.

Бухта Тетюхе

◀ Голова тигра с обложки книги Л. Г. Капанова, ученика А. Н. Формозова, погибшего от рук браконьеров в 1943 г.

Рассказ пасечника о нападении тигра

«Было это 13 мая 1910 года, ходили мы с братом за пантами. Ну, он-то не охотник, так только.

Есть вот здесь ключик – Каменный называется, идем мы им, а нам медведь встретился. Четыре аршина натянутая шкура была. Идем на другой день, и тут же опять тигра идет навстречу. Собаки были; одна большая, а другая маленькая – фазанятница. Ну, после узнали, что она за всяким зверем ходит. Собака-то была от ней и всего лишь сажень двадцать. А она идет по ключику, ключик громыхает, ей и не слышно, поторопился я – думаю, собаки учуют, спугнут ее, стрелил, надо бы в голову, а пуля-то прошла от плеча и сквозь. Тигра отбежала сажень семьдесят, а там тайга, чаща, бурелом, ничего не видно. Ну, думаю, отбежала, да и упала там. Собака-то большая пропала, как в землю, испугалась, а маленькая туда; стоит над тигрой и лает. Я иду, думаю, лежит тигр, кончился. А чаща, кусты, ничего не видно, я и взобрался на колоду – листовень лежала. Ей-то снизу меня хорошо видно, а мне ее нет. Взревела она, да как вскочит. Я стрелил, а она как ударит меня в

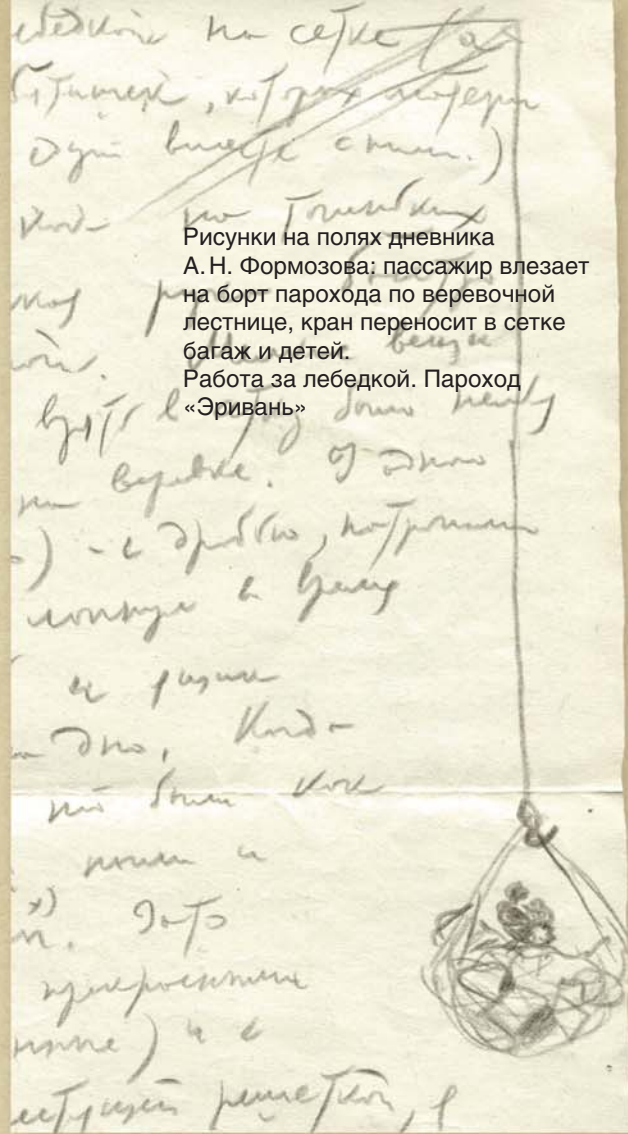
грудь, так я и книзу. Лапами-то за плечи дерет, пасть разинула, а я ей и сунь туда поперек винчестер. Как держал поперек, так и сунул. Так ведь насквозь прокусила стальную коробку у винтовки. А хайло у ней большое, лоб шириной – во. Я бросил винтовку, стал, было, руками ее душить, да где – такая сила... А брат-то стрелить боится, да и спугался, ему бы приставить ей ко лбу-то, ведь вот так, всего в двух шагах стоял, да и тяпнуть. Нет, трясется, я кричу ему, а он...

Два месяца лежал я потом в больнице. Девятнадцать ран на руках-то!»

Погрузка на пароход «Эривань»

6/VII, бухта Тетюхе.

Мы узнали, что «Эривань» – большой и благоустроенный пароход, кончат выгрузку угля и через день будет во Владивостоке. Решили ехать.

Рисунки на полях дневника А. Н. Формозова: пассажир взлезает на борт парохода по веревочной лестнице, кран переносит в сетке багаж и детей. Работа за лебедкой. Пароход «Эривань»

С помощью милейшего Мг. Томаса (заведующий базой рудника на бухте) получили вагонетку – перевезли багаж на пристань, с которой грузят уголь. Остановились у самой лебедки, так как в других частях рельсовый путь занят работающими на выгрузке вагонетками. С лязгом и грохотом крутится подвижная лебедка, поднимая из баржи огромную железную бадью с полутонной угля. Мостки высоки, баржа низка. С трудом погрузили на нее вещи. Через некоторое время катер ведет порожнюю баржу к пароходу.

Пароход высок – от ватерлинии до борта сажень пять, трапа нет, спущена лишь веревочная лестница. Карабкаюсь по ней наверх для переговоров с капитаном, а над головой опять с грохотом носится стрела лебедки и бадья с углем на туго натянутых тросах. Сыплется уголь, вопят, как в аду, лебедчики и грузчики-китайцы, под ногами побулькивает изумрудная морская глубь... Вещи вздергивают лебедкой на сетке, а вместе с ними и ребятишек, которых матери не хотят оставить одних и едут вместе с ними. Жутко смотреть, как на тоненьких тросах механическая рука быстро несет их над пучиной.

Мелкие вещи (а их у нас много) взять в сетку было нельзя – я вытаскивал их на веревке. У одного Шуль-

В Хабаровске «на Станции защиты растений в клетке живет парочка бурундуков (самка и самец); препотешные и премилые ребята»

пинского ящика – с дробью, патронами и фотопластинками – лопнул во время вытаскивания ремень, и ящик камнем полетел на дно. Когда кончили погрузку, то были, как негры, от угольной пыли и совершенно измучены. Хорошо еще, что был полнейший штиль. Зато каюта оказалась с покрытыми пружинными койками с никелированной блестящей решеткой. Вскоре подняли якорь и пошли.

Вечером в Ленинском уголке слушал по радио приговор по Шахтинскому делу, сенсационное сообщение об ограблении хунхузами почтового поезда на кит.-вост. ж. д. и концерт из Владивостока. Тревожные гудки парохода и телеграфные писки врываются иногда странным диссонансом.

Владивосток – Хабаровск

8/VII, Владивосток.

От города, от праздничной толпы на улицах, от музыки, от усталости с перегрузками и всего больше от писем – голова идет кругом. ...Занят я до чертиков, за акварель брался всего один раз и рисую мало. Все уходит на приспособление к новым и очень трудным условиям работы.

<...> Я в хороших отношениях с зоологами из Дальневосточного Университета и сейчас один-единешенек живу в зоологическом кабинете проф. Гассовского*. У меня свой ключ и я здесь, как хозяин!

10/VII. Сейчас только что вернулся со станции. <...> Это три красных кирпичных казармы на зеленом склоне, слева от них море, справа – залив. Место скучное, без всякой Мурманской романтики, но работать здесь, наверное, хорошо: очень просторно в домах, а уж фауна – чертовски богата.

Станцию мне показывал Г. У. Линдберг** – ихтиолог, мой знакомый по Д. В. Университету. Все у них еще только начинается. Студентам работать было бы, конечно, трудно: для этой фауны нет ни руководств, ни сводок, ни определителей. Даже рыб – приходится прорабатывать с азов: Линдберг показал мне более десятка новых видов, которые приходится описывать, среди них есть гиганты вроде гигантского ската – черного, величиной с мой московский письменный стол, с огромными пилами на хвосте. Нашли они тут и массу экзотических видов, ранее даже из Японии неизвестных: вроде летучей рыбы и расписных плоских рыбех Индийского Океана. Аквариумы только рабочие – небольшие банки с мальками, крабиками, молодью креветок; таких бассейнов, как на Мурмане, нет. Народа на станции мало, должно быть не все еще съехались. Линдберг говорит, что много свободных мест. Из Московских людей встретил только гельминтолога Ляймана*** – моего однокурсника, но мало приятного человека. Он режет здешних рыб на предмет поисков паразитов.

12/VII. Мы перебираемся в Хабаровск. Ехали в одном купе со старой китайкой, которая все время пыталась курить в некурящем вагоне, и с невероятно оборванным китайцем, который, должно быть, наглотался морфия или накурился опия, так как, просыпаясь, страшно ругался, а во сне все время храпел, стонал и плевал изо всей силы на самого себя.

* Гассовский Георгий Николаевич (1893–?) судьба после начала 1930-х гг. неизвестна.

** Линдберг Георгий Устинович (1894–1976) основатель Тихоокеанской станции, автор «Обзора рыб дальневосточных морей» и других работ по морской ихтиофауне Дальнего Востока.

*** Ляйман Эдуард Максимилианович (1903–1963) гельминтолог, выпускник МГУ 1924 г., впоследствии профессор Калининского Университета.

12/VII. Хабаровск. Опять четырежды переворочали весь свой багаж – это 30–40 пудов-то; дьявольски надоели эти переезды. Скорей бы где-нибудь осесть и работать. Сейчас живу на Стазре. Хабаровск по сравнению с Владивостоком – дикое захолустье. Он стоит над Амуром, внизу пристань, дальше широкий речной простор. Кое-что напоминает мне здесь Нижний. Купался вчера с плотов; был вечер, тепло, над рекой кружатся поденки, мелкая рыбешка выпрыгивает за ними из воды. Очень хорошее купание!

На Стазре в клетке живет парочка бурундуков (самка и самец); препотешные и премилые зверята! Они очень забавно любезничают друг с другом, отбирают один у другого изо рта орехи (рис.) Вчера один долго грыз кедровые орешки и, должно быть, в нос ему попали «опилки» скорлупы, ну и чихал же он! Сегодня ненастье, они хмуры и все время дремлют вот так: Как бы эта погода не надолго! Опять нельзя будет работать. Завтра выезжаю на пароходе «Ильич» вниз по Амуру.

14/VII. При огромном пространстве края, пестроте фауны и сложности в картине ее распределения то, что собрано мной сейчас – какая-то ничтожная капля! Для себя же я, конечно, получил массу впечатлений и новых знаний; это какой-то второй университет за экспедиционный счет!

Голова у меня сейчас бритая (как яйцо) и очень загорелая: вид весьма бандитский и подозрительный. Хотя я сохраняю апломб, и при наличии бинокля сбоку и академического удостоверения в руках даже беру через агентов Г. П. У. всюду билеты без очереди. Это значительное облегчение наших дорожных мытарств.

Все же недавно в воскресенье, когда главная улица Владивостока была переполнена шикарной гуляющей публикой, какая-то компания, взглянув на Шульпина, сказала громко: «Фу-ты, как каторжный!». Другой случай. В Тетюхе мы искали проводника в Сихотэ-Алинь. Какое-то досужее ухо донесло в милицию, что двое подозрительных людей ищут проводника на Сахалин! (Его обмануло созвучие!) Хорошо еще, что начальник милиции уже знал наше истинное положение и намерения!

Вниз по Амуру

19/VII, пароход «Ильич».

На пароходе едут гольды. Один старик с седыми жидкими волосами, в темном русском костюме и черной бархатной шляпе с небольшими полями. Другой больной, с завязанной щекой, в туземном костюме из дабы и вышитыми яркими сапогами. Двое других в длинных белых рубахах, словно они выскочили из постели. Воронички на рубахах вышиты сине-красные, рукава тоже. Черные косы, небольшие широкие скулы, узкие глаза, маленькие носы, грязны. Страшно растеряны и пришиб-

Вверху – Софийское (акварель). Слева – Вниз по Амуру из Хабаровска на пароходе «Ильич». У борта – А. Н. Формозов. Справа – пароход грузится у Новой Уссуры. 1928 г.

лены пароходом. Одному отдавили ногу трапом, другой уронил в грязь каравай белого хлеба, третий потерял монету. Ее сейчас же подобрал и спрятал китаец. Слезли они в Троицком, от которого близко до Анюя и большого становища Торгона. По берегу ниже много гольдов. (В Троицком не 18 ли?) дымятся костры, <...> занятные сколоченные из трех досок лодки.

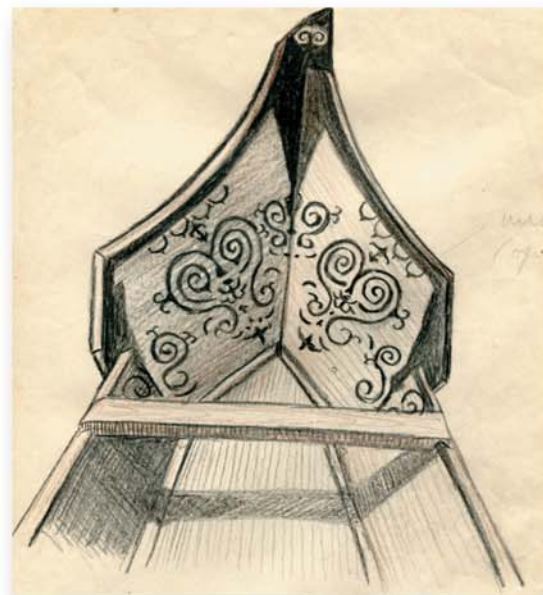
Под вечер часты стали (выше Тамбовского) мелкие гольдские стойбища. Много домов корейского типа (с трубой снаружи дома), около – вешала для юколы и характерные амбарушки на столбах. Под амбарами

Амур в Софийском (акварель).
Нос гиляцкой лодки,
украшенный лебедем.
Орнамент на носу лодки

Тот же фотозум на носу гиляцкой лодки
27.VII.1928 - Амур
Софийское ()
с. Мариинское

лежат нарты, у берега зверовые собаки. Есть в этих стойбищах что-то очень своеобразное.

25/VII. Окр. Софийского.

Тайга здесь адски глухая, дикая и трудная. Солнце страшно печет (ведь это широта Ниццы!), в душном, полном испарений лесу буквально дышать нечем. Спина под рюкзаком постоянно насквозь мокрая от пота, на ней даже рыжие полосы запечатлелись от ремней. Масса комаров – на руках у меня трудно ткнуть булавкой, чтобы не попасть в волдырик от укуса; ставлю ловушки, рисую, хожу по дороге, даже стреляю иногда в накомарнике и, выражаясь высоким стилем, смотрю на мир через его траурную сетку. Плечи у лучшей походной рубахи протерлись, поэтому искусаны они беспощадно, другие рубахи или слишком легки или слишком жарки. Но все забывается, когда доберешься до Амура, бултыхаешься и плещешься в прохладной приятной воде. Купаюсь ежедневно 2–3 раза.

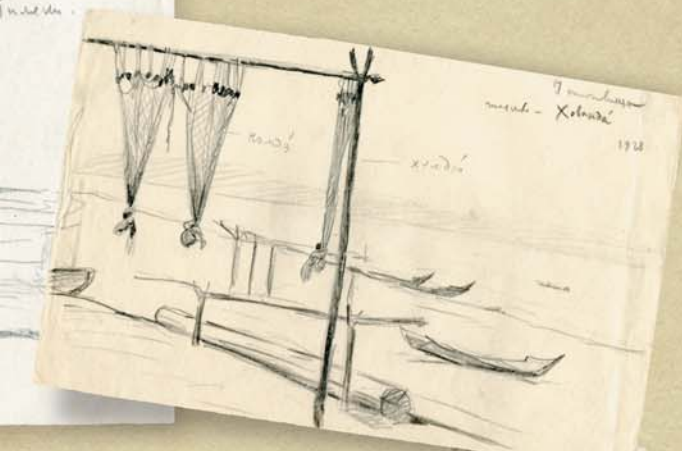
26.VII.1928. Р. Амур на пути с. Софийское – с. Мариинское.

Сейчас пишу на реке Амуре в тупоносой, тупозадой лодке, трое туземцев-ольчей (ольчи – одно из племен гольдов) увозят нас вниз к селу Мариинскому. Лодку качает, так как дует сильный низовой ветер, поэтому почерк мой очень «аховый».

<...> Из Софийского одновременно с нами выехал гиляцкий свадебный кортеж: две лодки, на одной из которых устроен был род палатки. Снаружи на палатке лежали новые одежды, вычурные плетеные корзинки и другие вещи, должно быть, приданое. В палатке лежала невеста – девочка лет 15–17 в ярко-синем халате с красным кантом понизу и множеством медных побрякушек. Была в числе провожающих одна шаманка – стару-

Ст. Удаи Санг
Мариинская 1928
Гилеи

Амбар на сваях.
Висящие сети.
Гилячка «Санька» в берестяной шляпе в лодке.
Нарты

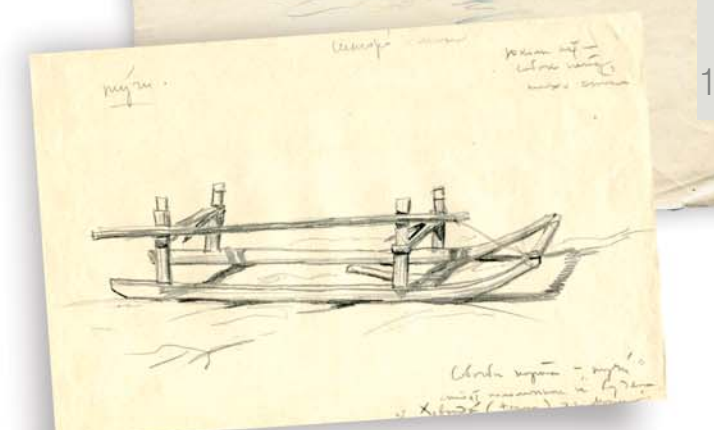
ха в красном платке и женщина в туземной берестяной шляпе, вроде изображенной ниже (рис.).

Везут нас старик, местный туземный учитель, и пара: ольча Чукго с женой. Ее зовут «Санькой», как это ни странно, туземного имени у нее нет, то есть она из числа насильно крещеных миссионерами. Чукго – пожилой человек в синей рубахе, черных штанах, туземных сапогах. На голове повязка из грязной тряпки, из-под нее свисает на спину косичка и выбиваются на уши грязные пряди выцветших волос. Санька очень молода, ей, пожалуй, 20; она маленького роста, лицо совершенно круглое и такое скуластое, просто диву даешься. Нос очень маленький прямой, глаза – прямые черточки, нижняя губа слегка выпячена вперед, наверное, от привычки держать во рту неразлучную трубку, вроде монгольской только покороче. «Наш постоянно кури, ваш – кури нету», – говорит она. У нее огромные черные косы с отливом красной меди и очаровательная улыбка, от которой глаза совершенно исчезают и на бронзовой тарелке лица сверкают под трубкой только зубы. Одета она в новый синий халат-рубаху с красными краями и рукавами до локтя черно-белыми, в ушах – серебряные кольца, на руках браслеты, на ногах небольшие остроносые «калоши» и какие-то обмотки. Гребет она рядом с мужем, впереди сидит учитель, я правлю рулем, Шульпин обдирает пичужек.

Берега низки – песчаные острова с тальником. Амур делится на десятки протоков, птицы мало. Стреляли ласточек влет, удивляя ольчей меткостью. Санька забирала стреляные гильзы; наверное, из медных их головок наделает бляшек на подол халата, которых и так немало.

Гилячка - ольча Санька
с Мариинск
на Амуре

Внутри гильяцкой фанзы (вверху).
Люлька и женщина. 1928 г. (внизу)

Медвежья лапа, которая
вешается над колыбелью

Старик Одино, «наш Дэрсу»

27/VII. Мариинск.

Утром идем в сельсовет насчет лодки, проводника и т. п.; потом после неудачи в селе (все на сенокосе!) уходим искать человека и лодку к гильякам в стойбище. Лезем через болото с клюквой и голубикой, купаемся в Амуре, потом добираемся до поселка с амбарами на столбах, словно постройки свайного века, со множеством всюду развешанных сетей, лежащих на земле собачьих нарт и самих собак, полузарывшихся в прохладный песок. Входим в первое жилище – там масса народу, шаманка шаманит, сшибает с ног запах грязи и гнилой рыбы (словно в гнезде зимородка). ...Торгуемся и рядимся в каждой избе, в третьей по счету сговариваемся наконец со стариком Владимиром-Одино, это как раз дед той девочки, которая очаровала Шульпина. <...>

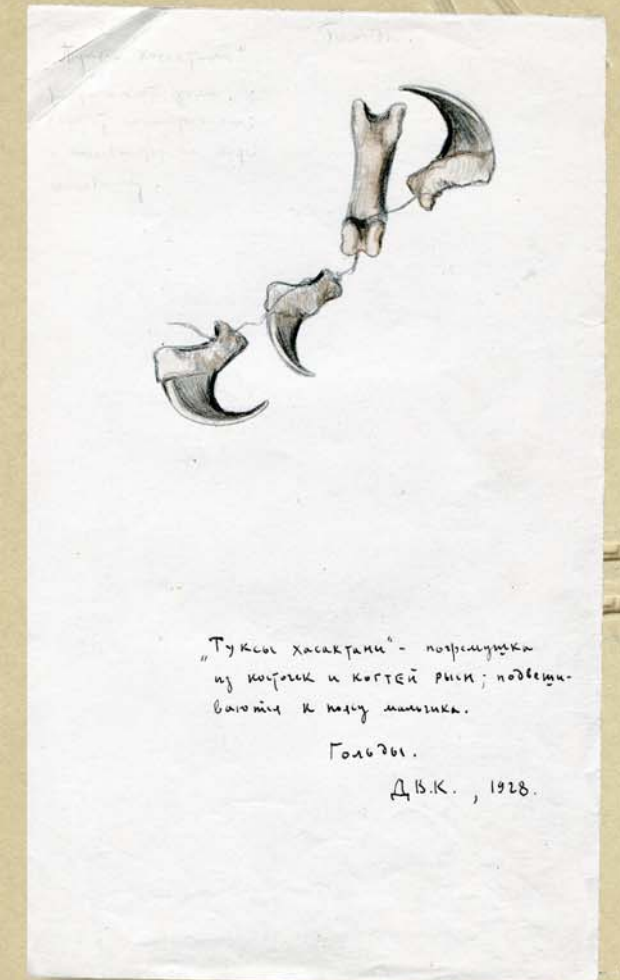
Одино – занятный старик, спокойный, тихий и бывалый. Говорят, что в старые добрые годы в оморочке (лодочка на одного) он ходил на Сахалин, а к югу морем – до залива Ольги! Охотник был хороший, но сейчас ослабли глаза. Трубка, кажется, приросла к его

«Сево не бог, его чорт. Сево делай – чорта гоняй» – дед Одино. Самый большой – haldjami; маленький, между его ногами – яхрр, на нем ездит хальдами; слева – masú (болезни)

языку: он ее совсем не вынимает. У него, как у всех гильяцких стариков, длинная, но жидкая борода и волосы до плеч, немножко напоминает святого.

28/VII. Мы выехали утром в узкой, низкой гильяцкой лодке – Шульпин, я и старик Одино Дечурл – «наш Дэрсу» в возрасте 74 лет. На стойбище Хованда, из которого этот старик, пробыли с час, дед сидел у очага. Пил прощальный чай и курил трубку, тем временем женщины упаковывали лодку, погрузили в нее скудное снаряжение деда, в том числе три «брзента», сшитых из длинных лент бересты и свернутых в трубку. Мы лезли по низким, с плоскими крышами избам, смотрели истуканчиков из дерева, младенцев, забинтованных лодкообразные, стоямя висащие люльки (рис.) Часть люльки сделана корытцем, а под корытцем привязана берестяная коробочка. При нас одна мать отвязала эту коробочку и выплеснула натекшее в нее прямо на земляной пол. Грязно, дымно, висят сети, ружья, пачки выделанных рыбьих кож (из них шьют целые костюмы), пахнет юколой и тухлой рыбой.

«Туксы хасактани» – погремушка из косточек и когтей рыси; подвешиваются к поясу мальчика. Гольды. 1928 г.

На озере Кизи

Выехали при светлой ясной погоде и легком ветре. <...> Когда шли сюда вдоль берега, то начала свои штуки замечательная здешняя рыба – толстолобик. Сумасшедшая эта рыба, принимая лодку за хищника, выныривает из воды, стараясь перепрыгнуть движущийся предмет, и нередко попадает в лодку. Едва солнце стало низко, как толстолобики начали свои прыжки. То ударит об весло так, что из рук вышибает, то перемахнет через всю лодку, то ударится о борт. Наконец несколько заскочили в лодку, но вырвались из рук, так как у нас было много груза, и с него они легко соскакивают. Прыгали рыбины фунтов по 5–8 и похожи они на голавля. На следующий день в одном месте толстолобиков прыгало столько, что они нас терроризировали. Я сидел на веслах; толстолобик фунтов 6 весом со страшной силой ударил меня по правому виску и уху (так что я пригнулся), стукнулся о борт и перелетел в воду, испачкав все по пути слизию. Гильяк и Шульпин хохотали, мне же было не до смеха. Жаль, что ни один из-за груза так и не остался в лодке, обычно их всегда остается в лодке на хорошую уху.

Слева – Одино закусывает сухарем с тухлым амурским жиром.
Вверху – Одино проверяет сети

(Одино) Одино Делуша
Засушенный сазань с перцем
амурским жиром
13.VIII 54
Кизи

Следующие дни двигались все время против сильнейшего ветра, сменяясь на веслах. Тайга подошла к берегам, темная, северная, комариная. Белоплечие орланы сидели на гигантских сухих лиственницах, вдали гоготали гуси, кричала гагара. Потом пошли болота с клюквой, низенькой угнетенной лиственницей, голубикой и нашей милой морошкой.

Добрались до дальнего конца озера и вошли в устье р. Табы. Все берега здесь покрыты высокими кочками с гигантскими злаками, мокро, болотисто: долго не могли найти места для палатки. Потом вырубил топорами кочки, сгрузили все из лодки и поехали за дровами. Мы рубили жерди, рогульки, палки для полов, постелей и т. д.; Одино спиливал огромную сухую лиственницу, и скоро его берестяная шляпа клонилась над поверженным деревом. Налетела гроза, мигом нас

простегала до нитки, пока ехали – налетела вторая, пока ставили – расплескалась третья. Все мокро – и кочки, гигантская трава, палатка, мы сами. С трудом разводим костер, пытаемся сушиться, налетает новый дождь, ложимся спать «по-сырому». Одино ставит себе берестяной вигвам, но всю ночь его едят комары, он охает, стонет и на утро встает весь опухший.

Погода разясняется, идем в тайгу. При попытке зарыть в землю банки, выясняю что под мхом на глубине 30 сантиметров – лежит вечно мерзлый слой. Недаром так дико холодна вода в речке. Вскоре по лесу рассыпается вереница моих 150 ловушек, гремят шуппинские выстрелы, дед уезжает на озеро ставить сети. По утрам он привозит улов. Я спрашиваю его о добыче. Он отвечает обычно так: «Как не поймал, поймал однако». Кого поймал? «Однако амур поймал». А сколько амур? «Однако два». А еще чего? «Однако сазан поймал, верхогляд поймал... рыба есть, рыба в озере много...» Надо сказать, что каждая из этих рыб фунтов по 15 весом! И жирна словно поросенок. Я ем с дедом сазана по-гиляцки – сырого с луком, перцем и солью; до того он кормил нас юколой из сига и я могу засвидетельствовать, что все это отличные вещи.

Карта оз. Кизи с обозначением бухты р. Таба и волока

«Туйкса» – берестяной вигвам нашего деда Одино. Рядом сушатся сазаньи сетки.
Оз. Кизи, р. Таба.
VIII 54.

В бухте Табы

От нашего лагеря до берега моря (вернее Татарского пролива, за которым лежит Сахалин) – 12 верст, еле заметная тропа идет вдоль реки по болотам, тайге и бурелому. Дед ведет нас медленно, высматривает полузаросшие зарубки и затески на стволах деревьев, с трудом выбирая подлинную тропу среди множества «медведь-дорога» и «олень-дорога». Страшно жарко, мешки оттягивают плечи, ноги вязнут в пышных шелковых мхах. Часа три понадобилось на то, чтобы добраться до волока – того места, откуда с реки лодки тащат по сухому до моря. Здесь не тропа – а целый «проспект». Веками, видимо, выбивалась эта дорога ногами гиляков. Одеты в торбаса из нерпичьей и рыбьей кожи, ногами гольдов в обуви из лосины. Глядя на заросшие зарубки, я думаю, что делали их топорами, которые еще выменивали за соборей по числу шкурок, пролезавших через просвет для топорича. Здесь дед уходит обратно, держа наготове топор для медведей – палатка осталась на озере без присмотра. Волок быстро спускается к морю. По нему расположены вешки с флажками и целая линия колышков – для меня ясно, что тут идет какая-то съёмка.

4/VIII. Обычно пустынную бухту Таба мы находим оживленной: стоят палатки и хибарки Экспедиции Изысканий Портов Тихого Океана из Владивостока. Нас встречают хоть и очень недоверчиво (по причине бандитского вида), но довольно радушно. Поят чаем с вареньем, кормят обедом, ужином, здесь мы и ночуем. Но вечер проводим над морем. Берега отвесны, обрывисты, все в лесной, еле проходимой чаще. Над бухтой стоят лиственницы удивительной флажной формы – так изменил их ветер, вечно дующий с моря. А под утесами белый прибой кипит пеной и рычит камнями, перемальвая в кусочки ленты ламинарий. Черные уточки – каменухи с белым пятнышком позади глаза швыряются на волнах вверх – вниз, кораллово-лапый очковый чистик несет рыбку в трещину к птенцу. По-кильдинскому смеются, завывают, стонут чайки, проносья вровень с тайгой. Море уносит от меня двух красноногих чистиков, великолепно сбитых одним выстрелом. Всюду в тайге вдоль берега медвежьей тропы; экспедиция портовых изыскателей зверями совсем терроризирована. <...>

«Туйкса» – берестяной вигвам нашего деда Одино. Рядом сушатся сазаньи сетки. Оз. Кизи (вверху)

Рисунок из дневника «Два гиляка в лодке: один толкается, другой гребет»

Вверху – очковый чистик.
Справа – берингов баклан на скалах в бухте Таба

Бухта Таба. Рис. А. Н. Формозова

8/VIII. ...Ежеминутно кто-нибудь нас ест: с утра комар, чуть позднее и до полудня – два вида мошек и немного комара; потом и те и другие начинают сбывать и к моменту полудня наступает максимум оводов и слепней, потом опять мошка, а с вечерней зари до утра – снова комар. <...> Бедному Одному достается больше всех, он сидит у костра, но от дыма у него начинают болеть глаза, ночью он плохо спит и утром опухший выходит из своего вигвама с трагическим возгласом: «Ах моска, моска – сто его делай...» (он не произносит ни *ч*, ни *ш*, ни *щ* и вместо «щука» говорит – «сука»). Я чаще бываю в лагере и больше дружу со стариком. Он рассказывает мне про рыб, про то, как в старину – «зверя тайга сибко много был... Само лусий соболь сена – пять рублей, само лусий белка сена – пять копеек...». Приходили тогда с севера тунгусы на оленях и гольды с верхнего Амура, а сам дед на лодчонке ходил на Сахалин и к югу до Советской гавани. Били нерпу в бухте Таба и таскали лодки по снегу той тропой, которой мы вскоре пойдем к морю.

Вверх по Амуру

20/VIII. р. Амур в нижнем течении, п/х «Ильич». <...> Еду я вверх, вероятно, до Благовещенска, где хочу поработать в области контакта степи и леса. Признаться, эта тайга мне надоела: по зверям в ней работать очень трудно, каждая шкурка требует огромных усилий, а по биологии материала и вовсе никак не ухватишь...
24/VIII. Был в Хабаровске всего три часа – между пароходами, все же успел и письма, и деньги получить, получить посылку с обмотками, достать билет, сдать багаж, побриться, пообедать, закупить газет за целый месяц и продовольствия на четыре дня. Теперь еду и кайфую. В числе писем было одно от Оболенского, написанное за день до его отъезда в Ленинград. Последним этапом его путешествия была поездка в 650 верст на лошадях к северу от Невера в район золотоносного Алдана. «Из всех тайгов, эта тайга самая дикая» пишет он словами одного проводника, в другом месте называет эту местность – «страной златоискателей, прокладывателей дорог и бандитов». Успехами его я почти убит: он собрал 327 штук, среди них *Alticola* – монгольские

полевки из хребта Хингана – чрезвычайная новость и лесной лемминг. А у меня всего 170 шт. и «ничего подобного». Попробую догнать его немного за оставшийся месяц, но на хорошие находки рассчитывать, конечно, трудно: мой район гораздо менее интересен.

26/VIII. р. Амур выше Хабаровска, п/х «Чичерин»
Амур здесь уже и тише, чем в низовьях; вода убывает. <...> Вчера берега были низки, в лугах и кустарниках; правый берег – китайский, левый – наш. На китайской стороне редкие деревеньки и отдельные фанзы, около них желтеют участки, засеянные чумизой. В протоках медленно идут мачты – это тянут вверх бичевой шаланды, навстречу попадают шампунки с широким парусом, китайцы машут с них шляпами. Потом попадают три подряд парохода – грязные, плюгавые, старомодные; они идут из Сунгари – притока Амура – из Манчжурии. Флаг у них полосатый, многоцветный, на кожухе название по-русски «Хань-коу», на борту на двух черных квадратных досках золотом написана завитушка – китайское название.

К вечеру налетает гроза, радуги яркими столбами встают над зеленью лугов; слева от нас устье Сунгари.

Китаец, стоящий рядом со мной, машет на устье рукой и говорит: «Хальбино ходи'...». Я спрашиваю: «сколько солнце Харбина ходи?». Он долго думает, потом говорит: «Трире» – должно быть, слово наполовину из три, наполовину из четыре. Сегодня уже с утра берега становятся повыше, вдали зеленые волны островершинных сопок, синими хороводами и вереницами рассыпаны по ним дубняки. Это предгорья Малого Хингана, сегодня мы будем проезжать красивейшие места Амура, его, пожалуй, лучший участок – у станицы Радде (где я остановлюсь на обратном пути, если время будет) пройдем ночью. У села Екатерино-Никольского грузим дрова.

27/VIII. <...> Идем так близко от китайского берега, что можно докинуть камнем. Удивительно, что как только появляется деревенька на левом русском берегу, так сейчас же оказываются фанзы и на правом. Почти каждая из последних имеет вывеску «торговый дом Хун-Лин» или что-либо в этом роде. Не трудно догадаться, чем и с кем торгуют эти «дома».

Поражен сумасшедшей склонностью амурских дам ежеминутно менять платья; есть такие, которые продемонстрировали по крайней мере с дюжину.

Лиственницы осенью, Забайкалье.
Колонок (окр. с. Игнатьевка)

...Подслушанный разговор за обедом: Он: Я чуть было не уехал прошлый год в Аляску. Она (из дам, меняющих 12 платьев): Ах, в Аляску; Аляска – это в Камчатке! Верно? Вот видите! Я услышала это на лекции начальника самолета «Советский Север»*. Он рассказывал нам и так интересно...». Бедный, бедный Далькрай! Нужны перелеты аэропланов, чтобы здесь услышали о существовании Аляски, какие же землетрясения понадобятся, чтобы люди здесь правильно усвоили хоть это услышанное!

29/VIII. Вчера видел в бинокль чжанцзолиневского** офицера – весь в желтом хаки, погоны золотые с черным, морда наглая. Он стоял в дверях дома на китайском берегу. Вместе со мной едут супруги Кочубей*** – он врач, сотрудник Украинской Академии Наук – каждый год ездит в поездки на свои средства, бросая летом практику, занимается птицами и бабочками. Жена его, хотя и «grande», но все же милая дам'а. Втроем мы проводим целые дни...

* Этот гидросамолет отправился из Владивостока через Камчатку вдоль северного побережья на Ленинград (прим. автора).

** Чжан Цзолинь (1875–1928) – военачальник, правитель Северо-Восточного Китая. Убит 4 июня 1928 г. в результате взрыва поезда, организованного советской разведкой.

*** Георгий С. Кочубей по сборам 24–26 июня 1928 г. в окрестностях пос. Кульдур описал новый вид бабочки аполлона – *Parnassius innae*, названный так, вероятно, в честь жены.

«Места здесь зверинистей и интересней...»

30/VIII. Вчера вечером высадился в Благовещенске. Город полукитайский. В Музее меня знают по книгам и ожидали приезда, устроился в «комнате скотоводства». Надо мной модели улучшенных хлебов и портреты знаменитых коров и быков. Пахнет дико краской – идет ремонт. Погода – жуть – льет проливной дождь. Черт бы его побрал, как мне не везет – ведь в пути стояла чудная погода.

6/IX. Село Игнатьевка в 23 верстах от Благовещенска.

Места здесь зверинистей и интересней, чем прежние. Здешний суслик – или новый вид, или якутский, что зоогеографически сногшибательно; оказался здесь же еще степняк – даурский хомячок – что-то очень темный, возможно, тоже *sub-species nova*, и даже полевая мышь что-то очень подозрительной окраски. Прибавляю (чтоб не сглазить только!) по десятку каждый день. Уже догнал до 200.

«...» Хозяева украинцы по происхождению и очень симпатичные простые люди; запаивают меня молоком, закармливают сметаной, медом и прочими сельскими вещами, которые я так люблю. Дожди все идут; на дворе, на улице, всюду – непролазная грязь. В полях, на лугах – стоит вода; каждую балочку приходится переходить вброд; вся пшеница в суслонах (бабках) проросла и колосья покрыты зелеными всходами.

Жуть... Судя по газетам, здесь в этом году раза в 4 или 5 больше осадков, чем полагается. Поколлектирую здесь и понаблюдаю, пока будет интересно, потом поеду или прямо в Хабаровск, или сделаю еще крошечную оставку у Хингана.

17/IX. Здорово продвинул коллекцию: до 300 шт. мне осталось всего 19 экз.! На этой цифре я здесь и думаю покончить. А если останется 2–3 дня времени между пароходами – съезжу в тайгу, а то так прямо в Хабаровск и домой. Сейчас вечер; хозяин, хозяйка и дочь на три голоса поют хохляцкие песни, получается очень недурно. Поют они – «Солнце низенько, вечер близенько; спешу я до тэбэ, мое сэрдэнько»...

С 15/IX погода переменялась: прояснило, стало холодновато. 14-го пролетели первые гуси, всю ночь гоготали – верный знак перелома. И справедливо в ночь с 15 по 16 был сильный иней, в горах на севере, наверное, уже снег. Тишь, голубизна, прозрачность. Обдирая, я слышу все шумы и крики со всего села, криканье диких уток на речке и крики пролетных куличиков. Пожелтели кустарники, пора и мне в дорогу...

21/IX. Приехал в Благовещенск, живу в музее, в кабинете заведующего; важно расселся сейчас за его столом.

Получил здесь пересланные из Хабаровска письма. Получил письмо от Сергея Ивановича вот какого рода: Наташа [Дукельская] приехала из Сибири и привезла более 300 зверьков, Костя Воробьев (орнитолог) влюбился в Астрахани в одну из Сушкинских аспиранток (не Чекановскую ли? «крошечную блондинку»), сам Дорогой Учитель сделал массу снимков в астраханском заповеднике и прокутился так, что нет денег, ехать в пустыню собирать зверьков и т. д. Все-таки он очень и очень милый человек, хоть и не нашей с тобой, а другой «породы».

26/IX. Сижу на ст. Бочкарево... Здесь уже три дня как зима. Выпал большой снег, ветер ужасный – холодно. Нос – красноват, руки – сизы: мои перчатки, конечно, в Хабаровске. В Хабаровск приеду сегодня поздно ночью, – поезд очень опоздал. Ой, и надела же эта волынка. Одно утешение – последняя работа в Игнатьевке была очень (лично для меня и вообще) интересной...

Буду торопиться в Хабаровске изо всех сил, может, если не задержат, выеду раньше 30, тогда буду в Москве около 10 октября.

Наводнение в окрестностях с. Марьинского.
Большой погоньш.
Записная книжка А. Н. Формозова

